

Александр Самойлович ДРИККЕР / Alexander DRIKKER | Евгений Анатольевич МАКОВЕЦКИЙ / Eugene MAKOVETSKY

| Музейный храм / Museum Temple |**Александр Самойлович ДРИККЕР / Alexander DRIKKER***Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
Институт философии, кафедра музейного дела и охраны памятников
Доктор культурологии, профессор**Saint-Petersburg State University, Russia
Institute of Philosophy, Department of Museum Studies and Monument Protection
Professor, Doctor of Science (Cultural Studies)
asdrikker@mail.ru***Евгений Анатольевич МАКОВЕЦКИЙ / Eugene MAKOVETSKY***Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
Институт философии, кафедра музейного дела и охраны памятников
Доктор философских наук, доцент**Saint-Petersburg State University, Russia
Institute of Philosophy, Department of Museum Studies and Monument Protection
Associate Professor, Doctor of Science (Philosophy)
evmak@yandex.ru***МУЗЕЙНЫЙ ХРАМ**

Работа посвящена анализу радикальных трансформаций музея в современной культуре. Рассматривается исторический путь музея: причина его рождения исключительно в протестантском мире, формирование музея-храма, который утверждает в пострелигиозном обществе высшие ценности (истины, красоты), явленные в материализованной форме. Соединение идеального и реального, плотского обеспечивает взлет музея-храма, но чревато конфликтом. Собственность, владение, стоимость экспоната определяют музейный институт. В ходе стремительной демократизации святилищ материальность, объектность с её очевидной прагматической ценностью становится убедительней сомнительных вечных истин, предмет – предпочтительней, чем абстрактные идеалы. Музей при воцарении культа вещей получил весьма заметные преференции. Ведь, музеи хранят, исследуют и экспонируют именно вещи, пусть и необычные. Вполне закономерно, что музей выдерживает проверку временем успешней, чем родственные институты памяти (прозябающие архивы, умирающие библиотеки). Мощное давление демократической атмосферы вызывает устойчивый дрейф музея-

храма в русло «служения обществу», но здесь гибельная опасность подстерегает музеи-храмы – соблазн редукции, желание вписаться в мир упрощенных музейных предприятий.

На смену музею-храму является актуальный музей, первоочередная цель которого – служение демократическому обществу, посетителю. Ценны берут верх над ценностями. Все более явное ослабление музея-храма, его попытки встроиться в современность – свидетельство завершения музейной эры. Всеобщая музеефикация, музейный бум не противоречат этому. Многочисленные разношерстные институты социальной организации досуга, клубы по интересам (которые объединяет лишь увлечение модным музейным брендом) найдут более органичные – немuseumные – формы.

Но музей-храм, конечно, останется как памятник удивительной эпохи, важнейший ориентир для поисков новых «вечных» ценностей и возведения новых храмов.

Ключевые слова: музей, храм, ценности, цены, протестантская этика, культ, сакральность, демократия, эра, культура, реформация, эволюция.

MUSEUM TEMPLE

The article is devoted to the analysis of radical transformations of the museum in modern culture. The historical path of the museum is considered: the reason of its birth only in the Protestant world, the forming museum as temple which affirms in post-religious society the supreme values (the truth, beauty) are shown in the materialized form. Connection of ideal and reality provides a rise of the museum temple, but it is fraught with the conflict. Property, possession, cost of museum exhibit initially determine museum institute. During rapid democratization of sanctuaries the materiality with its obvious pragmatical value in the relativistic world becomes more convincing than the doubtful eternal truth, the subject is more preferable than abstract ideals. A cult of things gives museum very noticeable preferences. A museum keeps and exhibits things (although unusual things). It is quite natural that the museum lives in democratic time more successfully, than related institutes of memory (the vegetating archives and dying libraries). Powerful pressure of the democratic atmosphere causes steady drift of the

museum temple to «service to society». But in this cozy course disastrous danger traps the museums temples – temptation of a reduction, desire to fit into the world of the simplifications.

The topical museum (great purpose – service of democratic society and of visitor) replaces the museum temple. The prices are winning over the values. More and more obvious weakening of the museum temple, it attempts to go in the democratic current – the certificate of completion of a museum era. Global museumification, democratic museum boom don't contradict it. Numerous ill-matched democratic institutes of the social organization of leisure, clubs on interests (which unites only passion to a fashion brand of museum) will find more organic not museum forms.

However the museum temple, of course, will remain as a monument of a surprising era, as the major reference point for searches of new «eternal» values and construction of new temples.

Key words: museum, temple, values, prices, Protestant ethics, cult, sacrality, democracy, era, culture, Reformation, evolution.

Вступление

Влияние музея, его роль в культуре, общественной жизни, даже в политике становится сегодня все более заметной. Всеобщая демократизация декларирует сохранение культурного наследия как одну из центральных задач.

Но когда темпы обновления культуры столь стремительно возрастают вместе с числом ее потребителей, представления о том, что и как, а главное – для чего сохранять, радикально меняются. И по мере того, как множатся многообразные музеи, меняются их формы, посетители и экспонаты, все сложнее дать определение, что же есть музей. Сравнивая, положим, Рейкс-музеум, мультимедийный музей Sony в Токио, дворец открытый в Париже, музей сновидений Фрейда в Санкт-Петербурге,

музей канализации в Киеве, понять это становится все труднее, несмотря на формирование музеологических теорий, комитетов ICOM.

Что же означает наблюдаемая повсеместно кардинальная трансформация музея? Откуда и куда идет музей?

Истоки

Любители классики¹ ищут генеалогические корни музея в античности, отсылают, например, к александрийскому мусейону. Аттическое влияние заметно не только на фасаде Британского музея, но и в портике здания с краеведческими коллекциями

¹ Шмит Ф. И. Музейное дело. Вопросы экспозиции. Л.: Academia. 1929. 246 с.

| Музейный храм / Museum Temple |

ракушек и бабочек². А вот почитатели Востока находят прародину музея в Японию периода Нара³ (8-й век н.э.).

Но если оставаться в рамках достаточно общих представлений о музее как институте, ориентированном на публичную доступность, то следует согласиться с А. Мальро: «Роль музеев в восприятии нами произведений искусства столь велика, что нам трудно даже представить себе, что за пределами современной европейской цивилизации их вообще не существовало, да и в Европе-то музеи существуют менее двух столетий»⁴.

Что же касается праистории музея, ее корректнее отсчитывать от эпохи Ренессанса. Именно тогда начинается преобразование частных коллекций и собраний в публичный институт. Процесс этот окончательно оформляется лишь в XIX веке, когда открывается для широкой публики Лувр, появляется Старый музей в Берлине, Прадо. К подлинному расцвету музейное строительство приходит во второй половине XIX века, распространяясь на далекую Америку.

Бурное развитие «музеологии как науки, изучающей институциональные роли и функции музеев различных видов»⁵ в последние полвека породило гигантский спектр дефиниций музея, целый ряд подходов в определении его функций и целей. Однако музеологические теории носят характер скорее инструментальный, чем онтологический.

Сегодня можно выделить, пожалуй, лишь два сравнительно внятных представления о том, что такое музей и откуда он взялся. Одно, наиболее популярное, словарное, рожденное в музейной среде и утвержденное международным Советом

музеев, отвечая лишь на первую часть вопроса, описывает музей как институт, занимающийся собиранием, хранением, изучением памятников культуры и природы для предъявления этих памятников общественности в целях воспитания, образования, просвещения⁶. узей здесь определяется с помощью набора функций, для исполнения которых он и предназначен.

Другое представление связано с теорией музеальности, возникшей около полувека назад в Восточной Европе. Оно получило признание широкого круга специалистов, связано с целой группой авторов, но, в первую очередь, с отцом этой теории – Збынеком Странским. Им был поставлен целый ряд важнейших вопросов относительно специфики (информационной, ценностной), культурной роли, которые объект обретает, становясь музейным предметом.

Однако попытки придать музеальности онтологическое значение⁷, увидеть ее как видоспецифическую особенность, развитие которой и приводит к появлению музея, выглядят не очень убедительно. Если отбросить гипотезы (следуя которым истоки музеальности допустимо отнести к далеким палеолитическим эпохам, стадиям собирательства и охоты), то единственным объективным основанием музеальности как особого отношения к действительности остается музей и связанная с ним активность. Музей же (а следовательно и музеальность) вплоть до XX века присутствовали лишь в европейской культуре (нынешняя музейная экспансия – результат глобальной вестернизации).

Отдавая безусловное предпочтение взгляду А. Мальро на музей как продукт европейской культуры, причины того, почему музей рождается только в Европе, логично связать с культурными генами, с теми наследуемыми качествами, что порождают новоевропейское мировоззрение и миро-

² Маковецкий Е. А. Аристотель в музее. Вестник Санкт-Петербургского университета, серия 6. вып. 2. 2009. С. 171-185.

³ Базен Ж. История истории искусства: от Вазари до наших дней. М.: Прогресс, 1994. С. 437.

⁴ Мальро А. Зеркало лимба: Сборник. М.: Прогресс, 1989. 515 с.

⁵ Ван Менш П. К методологии музеологии // Вопросы музеологии. №1. 2014. С. 65.

⁶ Ключевые понятия музеологии. М.: ИКОМ, 2012. 101 с.

⁷ Странский З. Понимание музееведения // Музееведение. Музеи мира: Сб. науч. тр. М.: НИИ культуры. 1991. С. 92-135.

| Музейный храм / Museum Temple |

устройство, производной которых явился музей. О каких именно генах идет речь?

Человеческая тяга к собирательству вызывающих интерес объектов действительно универсальна, примеры её можно найти на самых разных цивилизационных стадиях, у всех племен и народов. А потому допустимо предположить в её основе базисные психические и поведенческие особенности.

К таковым возможно причислить усиленное стремление антропоидов выделиться из группы⁸ и особую склонность интеллекта к классификации⁹. Однако важнейшим в данном аспекте является человеческое стремление к установлению ценностей, сапиентная аксиологическая потребность. Она ярчайшим образом проявляет заложенную в человеке, ведомом не только животными инстинктами, направленность на сверхбиологическое усложнение. На многотысячелетнем пути вектор такого усложнения получил многообразные толкования в мифологических, религиозных, философских доктринах. Современное сознание нуждается в своих объяснительных схемах и находит опору в коллективном бессознательном Юнга, эпигенетических правилах¹⁰, в дополняющем познавательном инстинкте¹¹. Подобные принципы культура непременно оформляет конкретной системой фундаментальных идеологических приоритетов, и вереница эпох тянется нитью концептов, сменяющих друг друга.

Средневековый мир «вечен», высшие его ценности незыблемы, социальная иерархия неизменна, быт чрезвычайно устойчив. Проблема сохранения культуры органично разрешается благо-

даря непоколебимости религиозных установок, строгому соблюдению традиций, патриархальной стабильности. Однако и эти, казалось бы, бессрочные порядки изживают себя в исторической динамике. Тысячелетняя феодальная эра завершается, Ренессанс маркирует начало Нового времени.

Рациональное протестантское мировоззрение¹² видит мир как вполне материальный результат умной и эффективной человеческой деятельности во славу Божию. Деловитость, инициативность рациональной эры приводят к резкому изменению темпа жизни. Промышленные, социальные, культурные революции сотрясают переменами весь стиль существования. Проблема сбережения прошлого опыта, наследия становится весьма острой и стимулирует развитие социальных институтов памяти. Три детища культуры призываются для сохранения наследия: библиотека, архив, музей.

Подобные институты помимо решения операциональных задач предназначены для уточнения и закрепления высших ценностей. При этом, решая проблемы насущные, культура, естественно, обращается к опыту. А во всем предшествующем опыте святилищем Духа, жилищем Божественной воли и власти являлся храм.

Музей-храм

Молодая культура, нуждаясь в неких сакрально-рациональных основаниях миропорядка, для утверждения новых ценностей (индивидуалистических, гуманистических), ищет обновленную храмовую форму. В протестантской культуре понимание успешной деятельности как признака избранности человека, отмеченного свыше предначертанным вечным спасением, с естественностью вызывает уважение к процессу и материальному результату труда.

Явственная ценность знания для столь важного профессионального успеха усиливает интерес

⁸ Келер В. Исследование интеллекта человекообразных обезьян. М.: Издательство коммунистической академии. 1930. 206 с.

⁹ Пиаже Ж. Психология интеллекта // Избранные психологические труды. М., 1994. 659 с.

¹⁰ Ламсен Ч., Гушурст А. Геннокультурная коэволюция: человеческий род в становлении // Человек. № 3, 1991. С. 11-17.

¹¹ Дриккер А.С. Физические аспекты метафизической трансформации. СПб.: РХГА, 2014. 77 с.

¹² Вебер М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. 656 с.

| Музейный храм / Museum Temple |

к науке и искусству. Просвещенческий тезис разумного прогресса вдохновляет исследования природы и упорную работу по изобретению более совершенных, доселе небывалых форм во всех областях жизни, от оригинальных лабораторных проб до вещей сугубо утилитарных. В сочетании с протестантским пиететом к трудолюбию на этой почве возникает новый культ – четко материализованный культ человеческих талантов, возможностей и мастерства.

Атмосфера такого энтузиазма и преобразует домашние кабинеты частных коллекций в музеи – специальные общественные здания, где зримо и предметно демонстрируются вершинные образцы творчества, будь то шедевры гениальных мастеров либо создания стихий, неподвластных человеку, но вызывающих его восторг и преклонение. Самые величественные храмы века разума – музейные храмы науки и искусства.

В том, что музей явился как новый храм, сомнений быть не может. Не случайно ведь большинство наиболее авторитетных старинных музеев (тот же Британский музей или Прадо, Мюнхенская глиптотека или Новый Эрмитаж) строились как неоклассические вариации античной храмовой архитектуры. Или стилизованный под романский храм Лондонский музей естественной истории – храм разума, мощь которого способна, проникая сквозь сотни миллионов лет, явить нам гигантского диплодока. Уже в начале XX века в Москве возникает очередной «античный» храм – Музей изящных искусств, а ближе к середине века в Вашингтоне поднимается мраморный храм Национальной галереи искусств.

Даже сегодня в конце XX – начале XXI века в весьма современных зодческих проектах устойчивый образ музея-храма так или иначе просматривается. В галерее Тэйт модерн это «гигантский центральный неф, вызывающий ассоциации с

храмом»¹³. Огромный деконструктивистский комплекс музея Гуггенхайма в Бильбао по замыслу, масштабу – собор наиновейшей цифровой эры и веры. Борьба авангарда начала XX века музеем завершается созиданием святилища, когда возникает «Ватикан модернизма», канонизирующий «святого Поллака и Евангелия от Клементя Гринберга»¹⁴, – Museum of Modern Art.

Несмотря на изобилие доступных в современной культуре развлечений (в том числе и под музейной вывеской), музеи-храмы сохраняют особую привлекательность, очереди у их касс отнюдь не скудеют, они собирают десятки миллионов зрителей, жаждущих приобщиться к авторитетно утвержденным эталонам: Исаак Ньютон – образец гения, Мона Лиза – вершина художественного творчества, модель расширяющейся Вселенной – символ всемогущества человека, способного победить и пространство и время. И уже хочется провозгласить музей-храм идеальной культурной институцией. Однако этому препятствуют определенные процессы сегодняшнего музейного триумфа, которые, вероятно, связаны с врожденными качествами музея-храма.

Двуликий Янус

Снова отметим, музей, возникающий только в Европе, поднимается на фундаменте частных коллекций. Крайне важный момент этого процесса, отмечает Ч. Делош: разрыв с протомузейными формами определяется «не частной или открытой для публики коллекциями, /.../ а публичным правом собственности на культурные и природные ценности»¹⁵. Главные музеи Европы обретают свое храмовое обличие, авторитет и влияние в период оформления новых европейских «конституцион-

¹³ Дженкс Ч. Зрелищный музей – между храмом и торговым центром. Осмысление противоречий // ПИНАКОТЕКА. 2000. № 12. С. 6.

¹⁴ Там же. С. 8.

¹⁵ Цит. по: Худякова Л.А. Музей между утопией и utopie. Б. Делош о сущности музейной институции. Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2013. Вып. 4. С. 146.

| Музейный храм / Museum Temple |

ных» империй, в завершающей фазе укрепления национальных государств, служащих «воле народа».

И подобно тому как частное собрание помимо отражения вкусов, знаний коллекционера служило весомым признаком его престижной состоятельности, теперь музеи типа Лувра горделиво высятся символами национального величия, предьявляя в качестве доказательства находящийся в госсобственности материализованный духовный капитал, культурное богатство, являющееся всенародной собственностью. «Идея культурного достояния /.../ с необходимостью приводит к логике формирования музея». Притом что представление об этом достоянии внедряется на фоне усиливающегося значения частного и банковского капитала. Под благородной сенью культуры Богатство расширяет границы прагматичного владения, оно «становится духовным, символическим, т. е. культурным достоянием»¹⁶.

Когда музей еще только рождался новым храмом, свершалось это в соответствии с этическим запросом взявших верх новых социальных сил, на подъеме глубоко религиозного ремесленно-бюргерского сословия, «умеренного и упорного по своей природе, полностью преданного своему делу, со строго буржуазными воззрениями и принципами»¹⁷.

Однако Макс Вебер видел в развитии этого общества постоянно нарастающую, несмотря на сдержанность, упорство, личный аскетизм пуритан-первопроходцев, внутреннюю угрозу: «По мере того как аскеза начала преобразовывать мир, оказывая на него все большее воздействие, внешние мирские блага все сильнее подчиняли себе людей»¹⁸.

Созданный трудовым третьим сословием как храм ценнейших и прекраснейших творений, музей естественным образом вобрал, воспринял и

основополагающую ценность буржуазного мироустройства – собственность.

Пуританские устои активно размываются. Ускоренный прогресс рационально коррелирует с повсеместным внедрением денежной шкалы, именно к ней сильнее и сильнее привязываются статус, престиж, мастерство, одаренность. Величие научных прозрений, чудес техники и шедевров искусства все в большей степени отмечает финансовый эквивалент.

Подспудный диктат собственности особенно нагляден в художественном музее. С одной стороны, духовная роль этого хранилища эталонов прекрасного возрастала, с другой, статус музея всегда был неразрывно связан с денежной стоимостью собрания. Кстати, полотна и скульптуры до сих пор занимают уникальное место среди прочих искусств, привлекая капитал сильнее, чем нефтеносные участки. Недаром, Сомс Форсайт – собственник – оказался ценителем и владельцем именно собрания живописи.

Итак, музей – святилище гуманизма, храм просвещенного человечества. Однако его святые реликвии помимо сакральной ценности обозначены вполне мирскими ценами, в храме-музее изначально присутствует хищная собственность. Как отзовется такая двуликость?

Демократизация святилищ

На плодородной буржуазной почве универсальность денег, проникающих во все сферы жизни, захватывающих все континенты, способствует демократизации сословного общества, а демократизация, в свою очередь, стимулирует широчайшую экспансию простого и ясного денежного критерия. В культурный процесс вовлекаются все более широкие массы, легко усваивающие вдохновенный интерес к бизнесу. Индустриальный расцвет меняет жизнь и среду, в фокусе общественного внимания оказываются техника, дизайн, растет интерес к бизнесу, научно-финансовой креативности. Роль материального мира на глазах усиливает-

¹⁶ Там же. С. 149.

¹⁷ Вебер М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. с. 124.

¹⁸ Там же. С. 109.

| Музейный храм / Museum Temple |

ся, что, соответственно, вызывает потребность увидеть в материальных ценностях нечто необъемлемое прагматикой, некий глубинный смысл. Как раз теперь интерес к музею с особой аурой объектов в его коллекции заметно возрастает, а развитие финансовой креативности не оставляет без внимания музейный плацдарм.

«Возможно, главным результатом Великой выставки [«Великая выставка промышленных работ всех народов» в Лондоне, 1851 г. – А.Д.] было следующее: она доказала если не британскому правительству, то британскому обществу, что искусство, облеченное в форму промышленной эстетики, может быть хорошим бизнесом¹⁹». Итогом явилось создание комплекса, получившего название Южно-Кенсингтонский музей, которому наследовали музей Виктории и Альберта, Музей науки, Музей естествознания, Музей геологии.

Если в европейской культурной традиции процесс коммерциализации, делового подхода к музею долго камуфлировался, то, когда (по окончании войны Севера и Юга) культурные амбиции заявила Америка, тема денег зазвучала более откровенно. «Генри У. Беллоуз, пастор нью-йоркской церкви Всех душ, адресовал сидевшим в зале видным нью-йоркцам следующий риторический вопрос: “Кто скажет мне, когда ... мы на любом рынке мира сможем перебить любую цену на те великие произведения искусства, что столь необходимы для культурного развития каждого народа, но прозябают ныне в безвестности?”. Один из первых и «главных» музеев Америки – Метрополитен-музей – «был деловым предприятием, и методы посредством которых он решал свои задачи, стали источниками идей для многих музеев как в Соединенных Штатах, так и за их пределами. К примеру, Метрополитен-музей первым увидел возможность брать с людей плату за право пользоваться определенными привилегиями... В 1894 году музей сделал очередные шаги навстречу потребностям публики, от-

¹⁹ Хадсон К. Влиятельные музеи. Новосибирск: Сибирский хронограф. 2001. С. 51.

крыв ресторан и камеру хранения для велосипедов»²⁰.

Америка – главная база широкой либерально-демократической экспансии, ее оплот. Устремления к реализации американской мечты с естественностью приводят к тому, что первая музейная революция начинается за океаном: движение за музейную модернизацию, поиски системы управления и организации музеем, внедрение экономических принципов. В Соединенных Штатах уже на рубеже XIX – XX веков является идея «полезного музея», «нового музея»²¹. В основу этих проектов закладываются ценности в корне отличные от храмовых, интересы местного сообщества, удобства, доступность.

Второе, массовое пришествие общедоступного музея – музейный бум во второй половине XX века – знаменует решительный пересмотр методов и ориентиров. Экомuzeи, сайт-музеи, общинные и интегрированные музеи обращены к миллионам и миллиардам, получившим доступ к культуре, они открыты, доброжелательны, заботливы, не навешивают скуки, отказавшись от допотопных высокомерных экспозиций. «Новая музеология²²» имеет целью социальную вовлеченность широкого зрителя: вооруженного мобильными устройствами, двадцать четыре часа в сутки подключенного к Интернету, зрителя молодого (хотя бы душой и разумом), ориентированного на яркую современную актуальность.

В демократичной среде стремление к умножению музейной аудитории связано с расширением круга музейных ценностей, в числе которых теперь социальные, политические, педагогические и другие «полезные» аспекты²³. Соответственно

²⁰ Там же. С. 56, 58.

²¹ Ананьев В. Г. История зарубежной музеологии. СПб: СПбГУ, Институт истории, 2014. 136 с.

²² Ван Менш П. К методологии музеологии // Вопросы музеологии. №1. 2014. С. 15-291.

²³ Виссер Дж. «Музеи в период социальных и технологических изменений». URL: <http://themuseumofthefuture.com/2014/04/18/museums-in-times-of-social-and-technological-change/>

| Музейный храм / Museum Temple |

изменился и расширился спектр функций музейного института. На генеральной конференции ИКОМ 1971 г. «было определено, что функции музеев, традиционно считавшиеся основными, должны рассматриваться как находящиеся “во-первых и в основных на службе всего человечества” и постоянно меняющегося общества»²⁴.

Мириады возникших и чуть не ежедневно возникающих на всех континентах музеев новейшего содержания и новых целей – учреждения всемирно известные (Музей Powerhouse в Сиднее, «самый шумный» чикагский Музей науки и техники, экомузей От-Бос в Канаде на площади в 30000 гектаров, включающий 25 населенных пунктов) и маленьких, провинциальных (Музей мыши в небольшом российском городке Мышкин), музеи мультимедийного искусства и «Вместилище будущего» в Токио, музеи русской водки, музеи эротики с секс-машинами и обучающими программами, – удовлетворят любой вкус и действительно стоят на службе всему человечеству. «Граффити Бабули» (Graffiti Grannies) способны привлечь и увлечь ничуть не менее, чем кости мамонтов и обломки древних статуй.

Несмотря на то, что музеи-храмы по-прежнему составляют большинство в списке наиболее посещаемых музеев мира, статистика, музейная практика, идеология ИКОМ, музеология, общественное мнение однозначно фиксируют устойчивый тренд в сторону современного демократичного музея. Весьма показательно, что исходно элитарный, принципиально консервативный институт классического музея сдает позиции и активно пытается встроиться в толерантное движение.

В чем же причина этой достаточно устойчивой тенденции? Отчего гордый старинный музей сделался столь уступчивым?

Реформация храма

Музей формировался в пострелигиозном обществе, которое отвергало мешавшие ему каноны, но вместо них искало новые абсолюты. Сегодня музей оказался в совершенно иной атмосфере – релятивистской. Христианство, буддизм, либерализм, социализм, любые догматы, системы, идеалы открыты к пользованию в равной степени. Любые ценности условны, относительно, даже законы Ньютона, как выяснилось, действуют только локально.

Почва под претензиями культуры на духовное лидерство пошатнулась. Сакральность классического, «мертвого», буржуазного искусства решительно отвергает авангардная революция: ready made-ы Дюшана, насмешки Дали, эксперименты Малевича, теоретические изыски Кандинского... Притязания музея на роль храма в безбожном мире остались в позапрошлом веке. Как же культура укрепляет фундамент, заполняя пустоты, образовавшиеся после размывания ценностей?

Наибольшую прочность в хаосе сплошной относительности сегодня демонстрирует вещь. Вещь отвечает требованиям гуманизма и свободного рынка: она полезна в быту, она украшает существование людей, её можно купить, продать, удачно обменять, в неё можно выгодно вложить средства, спасаясь от инфляции. Особенно же хороша вещь тем, что нельзя усомниться в её наличии, чего не скажешь ни об одном самом красивом измышлении поэтов, пророков или философов. Энди Уорхол на свой лад художественно предьявляет предметный мир: вместо зыбких, туманных «высших» ценностей – создает сильный и броский образ притягивающих, возбуждающих, направляющих жизнь вещей: яркие, красочные банки томатно-рисового супа и кока-колы, плакаты с рекламной улыбкой Мэрилин Монро. Успех Уорхола – яркая иллюстрация того, что восторжествовал истинный культ вещей.

²⁴ Ананьев В. Г. История зарубежной музеологии. СПб: СПбГУ, Институт истории, 2014. С. 67.

| Музейный храм / Museum Temple |

Достаточно примитивно? Может быть, зато надежно, да и честнее, явно человечней деспотизма идеологий, которые назойливо навязываются очередными самоуверенными обладателями вечных истин.

Главные развлечения в более и даже менее благополучных странах: шопинг, спорт, музеи. В фокусе интересов – телесность, «тело становится упрощённым аналогом души»²⁵. Чувственные радости более не идут по разряду буржуазно-мещанскому, они входят в «высокую» моду, ценятся все выше. Культ предметно-телесного мира усиливается с каждым днем.

Надо сказать, что музей, при воцарении культа вещей, кроме болезненных ударов, доставшихся цитаделям духовных сокровищ, получил весьма заметные предпочтения. Музеи ведь хранят, исследуют и экспонируют именно вещи. Пусть необычные (потертое пальто знаменитого писателя, лист бумаги, исчерченный карандашом великого художником, клык невесты когда вымершего пещерного льва), заведомо непригодные для обихода, но все же вещи. Есть что показать, на что взглянуть, за что назначить изрядную страховую сумму. И вполне закономерно, что музей выдерживает проверку временем успешней, чем родственные институты памяти (прозябающие архивы, умирающие библиотеки).

Жертвы музея-храма очевидны. Престижность музея теперь откровенно увязана с аукционной стоимостью коллекций. Главные заботы храма бесценных реликвий – бухгалтерские: посещаемость, окупаемость, вклады «друзей музея», доход от сувенирной торговли. Отчет об уникальной экспозиции аналогичен реквизитам стандартного блокбастера (стоимость постановки, количество просмотров, прибыль). Подобная адаптация к монетарной среде и оценке – не самое страшное.

Важнее иное: мощное давление современной атмосферы вызывает устойчивый дрейф музея-

храма в русло «служения обществу». Но здесь гибельная опасность подстерегает музеи-храмы – соблазн редукции, желание вписаться в мир упрощенных, игровых (изящней выражаясь – интерактивных) музейных предприятий. В погоне за цифрами посещаемости заманчив, например, метод социального вовлечения «музеев участия». Здесь полагают не ограничиваться активизацией только зрительных впечатлений публики, а задействовать прочие чувственные возможности, опираясь «на визуальное, слуховое, тактильное, иногда даже вкусовое и обонятельное (например в музее сыра или вина) восприятие»²⁶. Просвещать и развлекать – цели достойные. Но когда предлагается прямой, непосредственный контакт с музейным объектом – возможность его трогать, даже править, до некоторой степени владеть им, – эти увлекательные игры вытесняют потребность в созерцании, ради которой, собственно, и возводился музей-храм. Печально, если подтвердится предположение: «чистое созерцание в модерную эпоху, и, прежде всего, в наше [то есть XX – А.Д.] столетие, было подвергнуто полной девальвации»²⁷.

Можно, конечно, в более солидных вариантах обойтись без ощупывания экспонатов руками. Сохранив стекла музейных витрин и канатные барьеры перед картинами, расставить в соседних залах – в заботе о проголодавшейся публике – столики, включить музыку, чтобы не скучно было бродить меж молчаливых холстов и статуй... И это совсем не шутки, подобное уже отчасти происходит в торжественно строгих пространствах музеев-храмов. Или уже вовсе не храмов и не совсем музеев.

Музей-храм силой общекультурных трансформаций лишается посреднического предназначения, которое позволяло ему приоткрыть завесу

²⁶ Цит. по: Худякова Л.А. Музей между утопией и *utopia*. Б. Делош о сущности музейной институции. Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2013. Вып. 4. С. 151.

²⁷ Гройс Б. Медиаискусство в музее // URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/groys/mediart.html>.

²⁵ Бодрийар Ж. Общество потребления. М.: Республика, Культурная Революция, 2006. 269 с.

| Музейный храм / Museum Temple |

пред горним миром идеалов с помощью эталонов, собранных в коллекции. Утратившему пастырские права музею отведена почетная роль топ-менеджера, цель которого – предоставить посетителю максимум услуг.

В сегодняшних музеях человек может найти самые важные, имеющие непосредственное отношение к нему, его жизни удивительные, интересные, занимательные вещи. Достойные восхищения плоды предметного мира своей убедительностью вызывают доверие, более того – веру. Вещь во главе угла – это, вроде бы, довольно пошлое приземление после вековых устремлений к космическим высям, но пока, видимо, житейская интуиция не обнаружила другого выхода из регулярно терпевших крах проектов вселенского счастья.

Но как оценить модернизационный процесс в перспективе? Быть может, это флуктуация, дань времени, или одна из фаз в культурном цикле? Либо – глубокая реформация, которая отмечает упадок музейного храма, подобно тому как протестантская Реформация означила завершение господства Римской церкви?

Разрушение храма

Натиск демократичных (отбросивших спесь прежнего культурного ценза) методов современной музейной практики имеет много плюсов. Миллиарды посетителей в музеях, радушно открывших двери людям, по разным причинам не приобщенным к высокой культуре, получили возможность приятно и необременительно искать в гостеприимном сегодняшнем музее свои встречи с теми или иными сокровищами музейных храмов.

Однако так ли совершенен, так ли вечен этот чудесный храм?

Духовные богатства в протестантской культуре жестко связаны с материальными. Стремительный прогресс, как отмечалось, ускоряет демократизацию со всеми её плюсами и неизбежным, естественным при столь форсированных темпах

рациональным опрощением, культурной редукцией. Гуманистические идеалы не выдерживают конкуренции с более доступными, внятыми благами земными и утрачивают актуальность.

«Смерть богов» в свое время послужила мощным импульсом для удивительных творческих исканий и свершений. Для утверждения гуманистических ценностей, вечной гармонии в земных пределах и возводился храм материализованных форм блага, истины и красоты – музей. Но в том храме-музее, который был создан рациональной мыслью и протестантской этикой, в самом фундаменте имелся коварный дефект. И сколь бы искренен не был порыв предметно, вещественно явить Великий творческий дух, изначально в камнях святилища проблескивали частицы идола – золотого тельца. Проект музейного храма опредмеченных духовных ценностей обнаружил признаки обольщения. Не удастся совместить храмы с торжищами²⁸.

Финал музейной эры

Но как же быть с настоящим – с бурным, невиданным музейным ростом, с общими надеждами на возрастающую роль, на музейный ренессанс? Что относительно девиза «Постройте, и придут они»? «Это относится отнюдь не только к публике. Постройте, – призывает Л. Деннисон (главный хранитель Музея Гуггенхайма в Нью-Йорке), – и придут коллекции, художники, мероприятия, деньги²⁹». Грандиозные, успешные музейные комплексы и проекты в Бильбао, Абу-Даби – наглядная иллюстрация эффективности данного принципа.

Нет сомнений, зрелищный музей, бесхитростный, очаровательный в своем ребячливо-юношеском напоре и настрое на забавы, продол-

²⁸ Дриккер А.С. О роли торговли в храме // Музей. № 6. 2009. С. 4-7.

²⁹ Дженкс Ч. Зрелищный музей – между храмом и торговым центром. Осмысление противоречий // ПИНАКОТЕКА. 2000. № 12. С. 5.

| Музейный храм / Museum Temple |

жит процветать. Количество музеев и туристических потоков стократ умножится. Но расцвет будет своеобразен. Уже сегодня «музей» в значительной мере лишь модный бренд, нечто вроде культурного нимба для разного рода просветительских центров и клубов по интересам. В поисках новых форм организации досуга (к примеру, «музей-как-форум»³⁰) такое направление наверняка отыщет себе более адекватные, немuseumные конфигурации. Игры в музей трудно принять всерьез. И многому в накатившей гигантской волне музейных опусов суждено раствориться без следа. Так, вероятно, в досыта накормленном мире Музей шоколада (отголосок времен голодных) утратит нынешнюю привлекательность. Неизвестно, долговечен ли успех грандиозных современных музеев-храмов (Музей тела в Лейдене, Город искусств и наук в Валенсии, Гуггенхайм в Бильбао) при столь мощной конкуренции прогрессирующего виртуального окружения. Ну, а в грядущей культуре прелести вроде брюссельского Музея нижнего белья знаменитостей, хочется верить, сгинут, как сгинул, по счастью, музей подарков Сталину.

В актуальной культуре можно усмотреть две полярные тенденции. С одной стороны, всеобщая, всеядная, ненасытная музеефикация знаменует полное торжество предметности. С другой, – удивительный прогресс вольно струящихся в эфире, в человеческом ощущении бесплотных электромагнитных потоков, в унисон с архетипической моделью всех развитых религиозных конфессий, достаточно уверенно свидетельствует – вектор земной эволюции запрограммирован на грядущую дематериализацию. И вероятно, в мире чисто виртуальном, из его эфирных глубин предметность покажется какой-то странной оберткой, бледной проекцией эйдоса, а базовое для музея представление о собственности – просто nonsensom.

³⁰ Belting H. Contemporary Art and the Museum in the Global Age // Peter Weibel, Andrea Buddensieg, eds, Contemporary Art and the Museum. Ostfildern: Hantje Cantz Verlag, 2007. P. 30-37.

Перспективы «искусства в эпоху его технической воспроизводимости»³¹, как правило, вызывают священный ужас, в них видятся кошмары бездушного машинного мира, утраты ауры. Но А. Мальро и других весьма достойных деятелей культуры они воодушевляли. Воображаемый музей³² с цифровыми или технически иными образами коллекций, утративших предметность, способен вместить и в любой момент представить жаждущим все вершинные творения искусства, науки и природы. Да, пробные попытки соорудить такой музей пока закончились бесславно. Но уже нынешнее, едва оформляющееся интернет-пространство предвещает удивительный завтрашний день, в нем брезжит идея, как сохранить предметное наследие многовековых духовных взлетов, освободив его от корыстной предметности.

Маячащее сегодня на горизонте цифровое высвобождение Духа из его плотской оболочки – финал предметности, который, по-видимому, обозначит и предел связанной с ней биологически некротимой жажды обладания, а в такой будущности погаснет и сама идея музейной институции в её известной форме. Впрочем, это уже за пределами темы.

Вернемся напоследок к вопросу о судьбе музейных храмов. Судя по всему, эра музея-храма завершается. Нынешний музейный бум – симптом истощения очередной, богатейшей, «музейно-храмовой» культурной фазы, подарившей людям замечательные святилища познания и вдохновения. Ну, а храм? Храм идеалов, эталонов, чаяний? Нет сомнений, останется. Наследством. Памятником удивительной эпохи, когда великие мастера науки и искусства творили в атмосфере с жесткими мате-

³¹ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Избранные эссе, М.: Медиум, 1996. 240 с.

³² Мальро А. Зеркало лимба: Сборник. М.: Прогресс, 1989. 515 с.

Александр Самойлович ДРИККЕР / Alexander DRIKKER | Евгений Анатольевич МАКОВЕЦКИЙ / Eugene MAKOVETSKY

| Музейный храм / Museum Temple |

риальными ограничениями, в среде собственнической, а потому предметное воплощение духовных поисков привычно увязывалось с товарной стоимостью. Когда же эти обидные ограничения исчезнут, храмовые сокровища засияют чище и ярче, являя свою поистине бесценную суть.

Предложенный прогноз ни в коей мере не предполагает угасания культуры. Музей-храм, его опыт – важнейший ориентир для поисков новых «вечных» ценностей и возведения новых храмов.

